

УДК 398.22:159.953 + 398.22:94 + 32.019.51
DOI 10.15826/tetm.2020.1-2.002

Андрей Геннадиевич Иванов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), г. Липецк, Россия*

E-mail: agivanov2@yandex.ru

Мифологизированное прошлое как часть исторической памяти

В статье рассматривается феномен мифологизированного прошлого в контексте его присутствия в исторической памяти. Анализируются различные точки зрения на соотношение мифа и исторической памяти. Мифологизированное прошлое понимается в качестве одного из результатов процесса мифологизации и определяется как образы прошедшего времени и событий прошлого, основывающиеся на мифах и формирующие мифологемы. Делаются выводы, что ответ на вопрос, кому сегодня выгодна мифологизация прошлого, невозможен без рассмотрения интересов политического класса; что свойственная древнему мифу особая темпоральность в современном мифе утрачивается, неравномерно рассеиваясь между модусами времени.

Ключевые слова: миф, мифологизация, мифологизированное прошлое, историческая память, «мифо-история», темпоральность, модусы времени

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00297 «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики».

Для цитирования: Иванов А. Г. Мифологизированное прошлое как часть исторической памяти // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 25–30.

*Поступила в редакцию: 31.08.2020
Принята к печати: 30.10.2020*

Andrei G. Ivanov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Lipetsk, Russia*

Mythologized Past as Part of Historical Memory

The article examines the phenomenon of the mythologized past in the context of its presence in historical memory. Various points of view are considered on the relationship of myth and historical memory. The mythologized past is understood as one of the results of the process of mythologization and is defined as images of the past tense and events of the past, based on myths and forming mythologies. It is concluded that the answer to the question of who today benefits from the mythologization of the past is impossible without considering the interests of the political class; that the special temporality characteristic of the ancient myth is lost in the modern myth, unevenly scattering between the moduses of time.

Key words: myth, mythologization, mythologized past, historical memory, “mifoistoriya”, temporalnost, time modes

For citation: Ivanov, A. G. (2020). Mifologizirovannoe proshloe kak chast' istoricheskoi pamyati [Mythologized Past as Part of Historical Memory]. *Tempus et Memoria*, 1, 1–2, 25–30.

Submitted: 31.08.2020

Accepted: 30.10.2020

They flutter behind you
Your possible pasts

Роджер Уотерс
(«Pink Floyd», 1983)

Среди феноменов, задающих пространство понимания прошлого, особое место занимает историческая память, исследования которой в последнее время активизировались благодаря усилиям и зарубежных, и отечественных специалистов (А. Ассман, П. Хаттон, А. И. Миллер, В. Б. Устьянцев и др.).

Сразу хотелось бы подчеркнуть особую природу феномена исторической памяти, что, в принципе, позволяет говорить о ее связи с мифами, мифической образностью, — это акцент на исторических образах прошлого: «Изучение исторической памяти не отказывает истории в самой возможности исследования, а просто меняет исследовательскую оптику, переориентируя ее с самого прошлого на те образы прошлого, которые складываются в последующие времена» [1].

Сам вопрос о сущности исторической памяти и тем более о ее взаимоотношении с мифом представляется дискуссионным, по крайней мере в настоящее время. Так, можно выделить ряд практически противоположных мнений о соотношении мифа и исторической памяти:

1. Миф — часть культурной памяти, историческая же память должна быть чистой (свободной) от мифов. Здесь, с одной стороны, отстаивается требование к истории как к строгой науке, но, с другой стороны, признается универсальность культурной памяти, включающей также и мифологическую память — как коллективную, так и личностную, основанную на воспоминаниях.

Данную позицию разделяет О. В. Герасимов, который, рассматривая различные виды воспоминания о прошлом (например,

индивидуальные, семейные, коллективные), историческую память определяет как институционализированную форму [6, 54]. И специально фиксирует следующее: «Историческая память — это память, упорядоченная во времени и пространстве» [7, 135]. Исследователь выделяет три ипостаси исторической памяти: память 1) как способ фиксации и закрепления исторического опыта с помощью накопления знания о прошлом; 2) как своего рода герменевтика прошлого, позволяющая выстраивать связь этого прошлого с настоящим; 3) как основание будущего, необходимая предпосылка формирования так называемой «национальной идеи» [Там же, 136].

2. Миф — часть исторической памяти. Такое утверждение встречается довольно часто, и мы разделяем его, но с учетом двух важных аспектов.

Первый аспект связан с пониманием мифологии, и в частности мифа, как судьбы. Так, Ф. В. Й. Шеллинг считал, что «...народ обретает мифологию не в истории, наоборот, мифология определяет его историю, или, лучше сказать, она не определяет историю, а есть его судьба (как характер человека — это его судьба); мифология — это с самого начала выпавший ему жребий. <...> Немыслимо, чтобы мифология народа возникала из чего-либо уже наличествующего и среди наличествующего, а потому ей не остается ничего иного, кроме как возникать вместе с народом — в качестве сознания народа-индивида...» [8, 213]. Если мы согласимся с таким пониманием мифологии, то это означает, что у каждого народа всегда существует собственная мифология, пронизывающая его историческую память, постоянно воспроизводящаяся в новых контекстах, влияющая на дальнейшее существование «народа-индивида» и «народа-нации». В этом смысле совершенно справедливо считать миф неотъемлемой частью

не только исторической памяти, но и истории народа.

Другой аспект связан со спецификой современных политических и исторических мифов как продуктов мифотворчества. Если архаичский миф не мог возникнуть «на пустом месте» (вспомним эвгемерическую трактовку мифа), а был связан в конечном счете с реально имевшими место историческими событиями, пусть дополненными и сакрализованными впоследствии, то миф современной информационной и цифровой эпохи вполне может быть продуктом мифотворчества, базирующегося исключительно на образах, зачастую не отсылающих к реальности или отсылающих к симуляционной реальности (гиперреальности), как это было, например, продемонстрировано в работе Ж. Бодрийяра «Войны в Заливе не было» [5]. Именно факты активизации мифотворческой деятельности приводят, в частности, к выводу, что «...историческая мифология довольно уверенно теснит историографический дискурс» [7, 135], или к утверждению, что миф «...представляет собой форму репрезентации ценностей данной культуры. Ни к фактам, ни вообще к знаниям о действительности миф не имеет отношения» [2, 43].

3. Миф — это другое название исторической памяти. Такая категоричная позиция может считаться уместной, но применительно к возможным пароксизмам институционального осуществления политики памяти.

Так, известный отечественный исследователь В. А. Шнирельман пишет: «Как следует относиться к этноцентристским мифам, имеющим большое ценностное значение для апеллирующих к ним групп? Ведь сегодня сам термин “миф” вызывает неприятие. Поэтому специалисты обращаются к таким терминам, как “Большой нарратив”, “метанарратив”, “метарассказ”, и говорят не о “мифе”, а о социальной памяти, исторической памяти, публичной истории, исторической политике. Но это ведет к несколько иному взгляду на проблему, к ее расширению и углублению, к смене акцентов» [8].

Объяснить такое совпадение — мифа и памяти — можно тем, что национальная память зачастую выстраивается государством вокруг мифов основания, в качестве которых выступают те или иные исторические события.

Дело в том, что мифы неизбежно присутствуют в культурной памяти современных обществ. А любой миф в той или иной степени содержит в себе некую историю, проверенную временем, историю того, как мир стал таким, какой он есть сейчас; и в этом смысле мифы этиологичны. Сегодня же при проговаривании истории становления или происхождения приходится иметь дело как с древними (архаическими, классическими) мифами, так и со сконструированными, с такими мифами, главный принцип которых, говоря словами Р. Барта, «превращение истории в природу» [3, 255].

К. Леви-Стросс, отвечая на вопросы, имеет ли миф какое-либо значение в наше хронометрическое время и можно ли говорить о существовании мифа в сегодняшнем мире, обращал внимание на связь истории и мифа: «...Единственный домен знания, который сегодня еще существует и который имеет то же устройство, что и миф, это история. Во всяком случае, история обладает примерно той же ценностью, какую миф имел в архаическом обществе. <...> ...Представления, образы, которые мы создаем об истории, в широком смысле мифические, в том смысле, что они целиком и полностью зависят от той позиции, которую мы занимаем в нашем настоящем» [4, 68–69]. История происхождения каждого общества, государства, народа и сегодня сопряжена с этиологическими мифами. Взять хотя бы споры о происхождении русского народа, самого названия «русские». Наличие этиологических мифов в культурной памяти современных обществ представляется бесспорным. Современные этиологические мифы, базируясь на рациональных составляющих, сохраняют свой мобилизационный потенциал, оказывая влияние, например, на формирование патриотических чувств, воздействуя на человека на эмоциональном уровне.

Далее обратимся к термину «мифологизированное прошлое» и попытаемся ответить на вопрос, как прошлое становится мифологизированным или как история превращается в миф?

Прежде всего, следует определиться с тем, что такое мифологизация, так как мифологизированное прошлое есть один из результатов процесса мифологизации.

Мы считаем, что мифологизация — это процесс наделения мифологической образностью

и символикой аспектов действительности (социальной, художественной) любого модуса времени, осуществляемый как отдельным индивидом, так и социальными группами, обществом в целом, состоящий из нескольких стадий и способный оказывать влияние на развитие человека и общества. Мифологизация укрупненно включает следующие стадии: возникновение простого нарратива; выделение панегирического и героического нарративов; появление цепи событий, сюжетной линии, предстающей в качестве оформленного мифа. В мифе же мы имеем дело с замкнутым временем. И если мы говорим о прошлом, то в истории всегда существуют эпизоды, которые могут стать мифологизированными и превратиться в это замкнутое время. То есть мифологизированное прошлое представляет собой определенный отрезок времени, зачастую достаточно абстрактно определяемый: давным-давно, период перемен и т. п. Такой отрезок запечатлевается в памяти народа, индивида как уникальный и исключительно ценностно окрашенный (например, героический, драматический, переломный, травматический). Образы такого времени закрепляются в мифах и формируют мифологемы. То есть мифологизированное прошлое — это образы прошедшего времени и событий прошлого, основывающиеся на мифах и формирующие мифологемы.

Специфику мифологизации прошлого отражает, в частности, концепт «мифоландшафт», предложенный Д. Беллом. Автор, на наш взгляд, демонстрирует влияние прошлого на формирование мифов нации с сопутствующей мифологизацией содержащихся в коллективной памяти событий. «Сложное взаимопроникновение мифа и органической памяти (воспоминаний) наилучшим образом могут быть сформулированы в контексте (и в отношении) «национального мифоландшафта». Такой мифоландшафт может быть понят как дискурсивная сфера, образованная с помощью и посредством временных и пространственных измерений, в которых мифы нации постоянно формируются, передаются, реконструируются и обсуждаются. Темпоральное измерение обозначает исторический промежуток, повествование о прошедших годах, и это повествование скорее всего будет включать в себя, в частности,

историю происхождения нации и последующих важных событий и героических фигур. В случае с США, например, это повествование будет охватывать «Мейфлауэр», героическую Революцию, мудрых отцов-основателей, формирующую нацию Гражданскую войну, отважных пограничников и экспансию на Запад, экономическое и политическое доминирование в XX в., Перл-Харбор и последовательное спасение «свободного мира», разочарование во Вьетнамской войне, ужасы зверств атаки на Всемирный торговый центр и так далее» [11, 75–76].

Используя примеры национальных мифологий, попытаемся ответить на вопросы: кому выгодно мифологизированное прошлое, кем и для чего оно используется?

Прежде всего, считаем нужным согласиться с мнением, что «...мифу интересны не все события прошлого, а только те, которые имеют огромное ценностное значение для данного общества, — они служат символической основой групповой идентичности и позволяют членам группы четко отличать себя от других...» [8]. Консолидации общества и конструированию национальной идентичности способствуют разные мифы и мифологемы, проецируемые на временную шкалу. Одной из наиболее успешно работающих мифологем оказывается мифологема героя. В своем исследовании «Представления о прошлом. Создание национальных историй в Европе в XIX и XX вв.» («Representations of the Past. The Writing of National Histories in Nineteenth and Twentieth Century Europe») Ш. Бергер подчеркивает, что герои обнаруживаются в каждой национальной мифологии, и рассматривает, кто или что выступает в роли таких героев. При этом он выделяет не только фигуру героя, но и разворачивающуюся вокруг него «мифоисторию» (mythistory). Интересно, что в качестве такой фигуры могли выступать как создатель нации (nation-builder) или революционер, одержавший победу над иноземными захватчиками, так и крестьянство (как, например, в случае с Уэльсом, где отсутствовал опыт независимого существования нации) [12]. В ситуациях, когда соответствующая мифологема выступает в качестве социального интегратора, легко, конечно, мифологизируется и время, приходящееся на активность

такого феномена, будь то, например, периоды героических свершений или даже целая эпоха существования империи.

Следует отметить, что мифологизированным прошлым живет прежде всего сам народ; у каждого народа имеется своя собственная «мифоистория», что соответствует отмеченному нами выше пониманию мифологии как судьбы. Однако то, каким именно содержанием будет наполнена такая «мифоистория» в конкретных исторических и политических обстоятельствах, сегодня зависит также и от воли политических лидеров, которые вполне могут использовать миф в качестве влиятельного инструмента для конструирования образов желаемого прошлого, «возможного» прошлого. При этом политический класс (условно назовем их мифотворцами), реанимируя — через актуализацию определенных исторических событий — образы прошлого и соответственно мифы, стремится к тому, чтобы они коррелировали с актуальной повесткой: «Миф говорит символическим, метафорическим языком, где прошлое, включая далекое прошлое, — это лишь способ озвучить современные тревоги и заботы. Взывая к прошлому, миф подчеркивает текущие невзгоды и рисует желательную картину будущего» [8].

Здесь возникает еще несколько вопросов, касающихся природы времени в современном мифе: как в мифе связаны модусы времени, имеет ли в мифе место отождествление прошлого, настоящего и будущего? Вспомним, что

в архаическом мифе выделяются профанное и сакральное время и что в сакральном времени «...не существует определенного “сейчас” как настоящего, и оно не течет из прошлого в будущее в том смысле, что прошедшие события уже не существуют, а будущие события еще не существуют. Священное время не изображает также и непрерывную связь, а состоит из отдельных, частично независимых друг от друга временных гешталтов, архе» [10, 142–143]. В настоящее время миф строится с использованием отсылок к сакральным временам, стремясь к единству модусов времени, свойственному архаическому мифу. Однако характерная для древнего мифа особая мифологическая темпоральность в современном мифе утрачивается, зачастую оказывается уязвимой в контексте быстрых изменений, усиливающих разрыв с прошлым и делающих будущее менее определенным. Сегодня метафора судьбы больше не работает при объяснении фактов истории, а конструирование исторической памяти не обходится без трепетного отношения к тем или иным историческим периодам и фактам, которые мифологизируются, превращаясь в желаемое прошлое.

Таким образом, мифологизированное прошлое, являясь частью исторической памяти, на сегодняшний день скорее соответствует второму аспекту понимания мифологии: совокупность исторических и политических мифов как результатов мифотворческой деятельности политического класса.

Список литературы

1. Аникин Д. А. Исторический миф как предмет «memory studies»: в поисках методологии исследования // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2018. Т. 9, вып. 6 (70). URL: <https://history.jes.su/s207987840002242-5-1/> (дата обращения: 15.05.2020). DOI:10.18254/S0002242-5-1.
2. Антипов Г. А., Донских О. А. Миф и мифологическое в современном обществе // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 39–50. DOI: 10.17223/1998863X/54/42.
3. Барт Р. Мифологии : пер. с фр. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004.
4. Беседа с Клодом Леви-Строссом Константина фон Барлевена и Галы Наумовой : пер. с фр. // Вопр. философии. 2009. № 5. С. 66–79.
5. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было : пер. с фр. М. : РИПОЛ классик, 2017.
6. Герасимов О. В. Феномен исторической памяти // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. 2013. № 5. С. 133–137.
7. Герасимов О. В. Память о прошлом в контексте культуры (темпоральный аспект) // Социальная онтология культуры : коллектив. моногр. / под общ. ред. Е. В. Листвиной, О. В. Шиндиной. Саратов : Саратов. источник, 2018. С. 53–62.
8. Шеллинг Ф. В. Й. Введение в философию мифологии // Соч. : в 2 т. : пер. с нем. М. : Мысль, 1989. Т. 2. С. 159–374.
9. Шнирельман Д. А. Миф о далеких предках и этническая принадлежность // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2018. Т. 9, вып. 6 (70). URL: <https://history.jes.su/s207987840002252-6-1/> (дата обращения: 15.05.2020). DOI:10.18254/S0002252-6-1.

10. Хюбнер К. Истина мифа : пер. с нем. М. : Республика, 1996.
11. Bell D. S. A. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // *British Journal of Sociology*. 2003. March. № 54. Iss. 1. P. 63–81.
12. Berger S. On the Role of Myths and History in the Construction of National Identity in Modern Europe // *European History Quarterly*. 2009. July. Vol. 39, № 3. P. 490–502.

References

1. Anikin, D. A. (2018). Istoricheskii mif kak predmet “memory studies”: v poiskakh metodologii issledovaniya [Historical Myth as a Subject “Memorize”: in Search of Research Methodology]. *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya”*, 9, 6 (70).
2. Antipov, G. A., Donskikh, O. A. (2020). Mif i mifologicheskoe v sovremennom obshchestve [Myth and Mythological in Modern Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 54, 39–50. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet.
3. Bart, R. (2004). *Mifologii* [Mythology]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
4. Beseda s Klodom Levi-Strosom Konstantina fon Barlevena i Galy Naumovoi (2009) [Conversation with Claude Levi-Strauss of Konstantin von Barleven and Gali Naumova]. *Voprosy filosofii*, 5, 66–79. Moscow: Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk.
5. Bodriiyar, Z. H. (2017). *Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo* [The Spirit of Terrorism. There was no War in the Gulf]. Moscow: RIPOL klassik.
6. Gerasimov, O. V. (2018). Pamyat' o proshlom v kontekste kul'tury (temporal'nyi aspekt) [Memory of the Past in the Context of Culture (Temporal Aspect)]. In Listvina E. V. (ed.), *Sotsial'naya ontologiya kul'tury*, 53–62. Saratov: Saratovskii istochnik.
7. Gerasimov, O. V. (2013). Fenomen istoricheskoi pamyati [The Phenomenon of historical memory]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya*, 5, 133–137. Moscow: Universitet Rossiiskogo innovatsionnogo obrazovaniya.
8. Shelling, F. V. I. (1989). *Vvedenie v filosofiyu mifologii* [Introduction to the philosophy of mythology]. Moscow: Mysl'.
9. Shnirel'man, D. A. (2018). Mif o dalekikh predkakh i ehtnicheskaya prinadlezhnost' [The Myth of Distant Ancestors and Ethnicity]. *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya”*, 6. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu “Integratsiya: Obrazovanie i Nauka”.
10. Khyubner, K. (1996). *Istina mifa* [The Truth of the Myth]. Moscow: Respublika.
11. Bell, D. S. A. (2003, March). Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity. *British Journal of Sociology*, 54, 1, 63–81.
12. Berger, S. (2009, July). On the Role of Myths and History in the Construction of National Identity in Modern Europe. *European History Quarterly*, 39, 3, 490–502.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), г. Липецк, Российская Федерация

Information about the author

Andrey G. Ivanov, Doct. Philos. (Eng.), Professor, Russian Presidential Academy of Nation Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russian Federation